

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЗОРОВАВЕЛЯ

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЗОРОВАВЕЛЯ

Изыде паки Зоровавель* из Ерусалима останка ради полона къ Дареву* цесарю и моли ся ему, дабы останок отпустилъ полона людей, дабы исполнил обѣты царя Кира* перскаго, и повелѣ ему дати.

И бысть Зоровавель у Дария цесаря воинствуя и стрегий цесаря со инѣма двема другома. И единою сопрѣша ся и рѣша другъ къ другу: «Загадывая загадками, кождо по мудрости своей; написаша же загадки своя въ грамоте и положим у цесаря въ головахъ, дондеже убудится и узрит загадки на грамоте, и уразумѣть. Да будет мужь, иже будет написал лучше другу своею, той будетъ вторый под цесари; сосуди же стола его злати и сребрени, и утварь на кони его дана будет ему, часть же вторую возьмет по цесари, а вопрошение его и рѣчь дасть ему, и друг цесарю зовется». И ркоша вси: «Тако да будетъ».

И оставиша законы мидски и перски, ихже не изменити. И вергоша жребия межи собою; и паде жребий единому, и написано есть: «Ничтоже, яко цесарь, крѣпок на земли». Другий же написа: «Вино есть всего крепчие на земли». Третий же, Зоровавель, написа: «Нѣсть креплее жены на земли».

Написаша же загадки своя, положиша у цесаря в головах. Цесарь же, спав, убуди ся и уразумѣ шепот отрок сих, и простер руку и взять грамоту и, прочет же, положи. И егда собраша ся велможи его, цесарь же призвавъ отроки и рече имъ: «Протолкуйте гадки своя, егоже будет мудрейши, тому исполню, что есть писано въ грамоте той».

И рече первый: «Послушай, цесарю и велможи, да вы скажу! Вѣдайте, мужи цесареви храбрии, силу цесареву и крѣпость, и власть его надо всею землею, и над морем, и над островами, и надо всѣми языки. И уморит, и оживит; да аще повелит ити на войну, поидуть; да аще повелит цесарь разорити град, то разорят. И все, повелѣное цесаремъ, творят: и злато копают и сребро, и снасть ратную устрают, орют же и сѣют, и винограды копают

и садятъ, и часть цесареву дѣлають, и сами не вкусивше обилия своего. Боятся грозы его, яко храбрые есть цесарь всехъ. И не преступятъ во всемъ словесе его. И того ради имите вѣру мнѣ, яко нѣту противу цесаря на земли». И удивиша ся ту стоящи рѣчи его.

И отвѣщав другий, рече: «Послушай, цесарю и мужи мудрии истинною, якоже вы вѣдаете крѣпость цесареву, яко всѣми обладает на земли, якоже слышасте. Вино же есть крепче цесаря: вся бо храбрость его права суть, егдаже упьется, то изыначится и сердце, и рѣчь его. Инии воспоют, а инии скачют, а инии пляшют, а инии бьются. И уморит милья, а нечестивыя почтит, и не зазрится отца и матере своея. Вѣдаете всѣ, яко вино крепче есть. Аже ся его напьет, той грамоты забудеть, а пѣсни помянет, и мужа, шепчюша злое, примет. Скверны рѣчи открыются, а гнѣвливыя возвеселит, а инье на друга своего обнажат мечь. Мужа же смирныя посрамит, и ноги челоуѣком искривит, и очи его возмьют, без студа уста его измолвятъ. Трезви же всего того не помнят и запираются. Вѣдайте, яко вино есть всего крепчае. Аще бы святыи пили, то и тем смятет вино».* И похвалиша же вси сего рѣчь.

Возва же цесарь Зоровавеля, третьего, и рече: «Скажи и ты загадку свою, яже друзи твои сказаша». Он же рече: «Послушай, цесарю, и разумѣйте, вси велможи! Силние же есть всего цесарь, его хошет сокрушает, якоже то суть рѣчи молвленныя и крѣпости цесареве и о крѣпости винней. Жена крепче цесаря и вина, и всякия рѣчи. Сего ради жена есть сильнейша цесаря, имже родила есть цесаря и воздоила его, и воспитала его, и одевала, и скверну его омывала, казавши и владѣвши им, и гроза ея на нем. Он же боится гласа ея и далече ее, уроняет его словом своимъ. Иногда побѣгнет пред нею. И будет уношою той, тогда грозы ея не забудет и слова ея не изменит. И потом же, видѣвъ жену красну, и возлюбит красоту ея, и не изменит любви ея на всемъ добытце. Даже отца и мать оставит любви дела женьския. Мнози же заблудиша ся про ню, мнози бо оболщени быша любви дея женьския. Мнози же убийци ею суть, мнози же во адъ снидоша про ню. Мнози же мудрии попользнуша ся в сѣти ея. И ратьбы бывають роду и другом тоя ради. То не разумѣете ли или не вѣдаете, аще станет жена красна на пути, то аще бы хотя несль в руках, но очи его зрита на ню, и вся мысль его на ню, а не на что в руках носить. То аще бы что отвѣщала ему, то все бы пометаль, а молвил бы с нею.

Аще ли не имете моимъ словомъ вѣры, да повѣйте ми, кому стражете, не женам ли? Да сим же купите всяки потреби, и кузни златыя и сребренныя, и зелья добровонная. И вино, и масло кому купите, не женам ли? А инии розбивающе, а инии крадуще и рѣзьящи, не женам ли несуть?

Се же и аз видех тебе, цесарю, сидяща на престоле своем, и вѣнецъ бьяше на главе твоей. А помяни, яже дщи Лвиошева македонского,* меньшица

твоя, сидя у тебя досягши рукою своею и снят венец з главы твоея и возложи на главу свою, а ты, цесарю, смеешися, зря на ню, а тако цесарю неподобно бяше зрѣти.* А иногда розгнѣвала ся бѣшет на тя, цесарю, ты же обымаше ю и лобзаше ю, дабы не гнѣвала ся. Слышите вси, яко жена есть силние всего. Та бо и силу Самсонову победы, и Давида обольсти, и Соломона прельсти. Паки же Адам всему миру отець Богомъ сотворен бысть, не жена ли его из рая изведе и смерти предасть, и праведнаго прельсти? Слышите, яко жена есть силние всего.

Се же въдая, цесарю, буди, и вельможи твои, яко безлѣпица есть цесарь, иже землями владееть, безлѣпица есть вино и жена, но кривда владееть всѣми трема на земли, и на мори, и в полку. Идеже будет вѣра, туто не обрящется неправда.* Господь бо рече: „Аще вѣру имате правую, то возможете и горами ворочати”.* Тогда же вси вельможи подивиша ся разуму его и рекоша: «Воистинну, уноше, истець еси слову, и все правду извѣщал еси».

Тогда рече ко Зоровавелю: «Приступи ко мнѣ». Он же приступи. Обоим его цесарь и облобыза его перед всѣмъ народом, и рече: «Благословенъ Богъ Зоровавелевъ, яко дал есть ему духъ вѣрный прославити вѣру пред цесаремъ и челоуѣки». И повелѣ цесарь исполнити Зоровавелю, что писано въ грамоте их, яко обрѣте милость во очию цесареву пред всѣми боль обою другу его. И рече цесарь: «Прости, Зоровавелю, и еще что хошет душа твоя кромѣ того писаннаго, аще и до полуцесарствия моего дано ти будет от мене». И рече Зоровавель цесареву: «Помяни, господине, обѣщание, яко обѣщася ты и Корѣшь цесарю небесному Господу Богу Саваофу сотворити дом Божий и возвратити святыя его сосуды на мѣсто святое, и плѣнъ людей испусти на мѣсто, идѣже взывается имя Божие на немъ. За то же помолятся великому Богу за цесаря и за цесарство его, за исполнение обѣщания, еже еси обѣщал Богу небесному».

И повелѣ цесарь привести писци свои и написавъ просьбу Зоровавелеву, егоже просилъ создати Иерусалимъ. И посла цесарь Дарей къ Корѣшу цесарю, дабы был на кунъ с нимъ исполнити обѣщание се же створити дом Божий во Иерусалиме. И тогда заповѣда цесарь Корѣшь ко всему цесарству своему, река: «Хто вас боится Бога небесна, да идет дѣлати дому Божия. И аз дам из рисници своей злато и сребро, и все, что надобе». И написаша писци по слову Дария, цесаря мидскаго, и Корѣша, цесаря перьскаго, ко всѣмъ велможамъ и посадником и по всѣмъ градом арменом, *циряномъ* и *цидяном*, и самаряном, и Сафу, старосте плененному:* «Вѣдайте, яко возбуди Богъ, цесарь небесный, сердца ваша выпустити плѣнъ людей его, иже запленив Навходоносор, цесарь вавилонский.* Сынъ разори бо создание отца своего, тогда бо стоялъ Иерусалимъ пусть лѣтъ 93. Ныне же возврати сосуды дому великаго Бога и наряди жертovníк, и сотвори стѣну Иерусалиму до конца. Будите же готови наполните все, что надобе сребром и златом, и мѣдью, и каменемъ, и дровом дѣлатели,

еже проси Зоровавель, Исус Седикович.* И поидоша со всѣми во град Иерусалимъ со останком полона, и начаша здати град Иерусалимъ и церковь по слову Дареву и Корѣшеву.

Егда же осѣде Иерусалимъ Тит, цесарь халдѣйски,* и сѣде два лѣта. И во второе лѣто плени град* въ цесарство Еспасияне. Много же Тит разда* плѣнник в дары, изтлятся на позорищех звѣрми и желѣзы. Елико же быша преди 17 лѣтъ и испрода вся, в онѣже продаяху на малѣ ценѣ з женами и з детми по десяти златник, зане умножиша ся продающия, а купци умалиша ся. А иже паче быша седми на десят лѣтъ, оковани и послани быша на Египетскую страну на дѣла. Плененых же бысть 9 сот тысушь и седмь тысушь, а убьеных сто тем и 100 тысушь, тѣмже кровь, яко езеро пловяше, не бысть нигдѣ ни иглы положити трупиемъ на голе мѣсте. Изомроша же от глада 11 тысящ. Одии же не хотяше прикасатися римския пища, зане гнушаху ся. Бѣяше же и по пещерам померло четыре тысящи. Тогда же стоял Иерусалимъ 60 лѣтъ пусть.

Аще же хто глаголетъ, яко невозможно вмѣстити ся бѣ толика тем во граде, да разумѣете от Пелестиева почитания.* Нерону же мнящу ничтоже языка иудейска, ни чающе что от них противления, и помоли ся жерцем, да изочтут люди, якоже могут. Наставъшу же празнику Пасхы, в онѣже обычай имут жрети, имже совокупляющимся мужемъ болѣ десяти на жертву, зане неподобно ясти одинаго жренаго, инѣм же по дватцати совокупляющимся на едину жертву, изочтоша же жерци 200 тысящ и 50 тысящ и 6 сот.* Аще же розочтем по десяти мужь на жерѣтву, а большая оставивше, то и считается двѣстем темъ и 9 сот тысушь, вси чисти и нескверни. А иже суть прости или чим скверни, или чим недостойни, или иноплеменници, или жены нечистии, тѣм бо всѣмъ недостойт прикасати ся жерѣтвѣ.

От перваго же создания церкви, иже Соломан создал, до нынѣшняго разорения Титова лѣтъ осмьсотъ и 80 и седмь месяць и 5 дни. А от послѣдняго создания, иже созда Агѣй и Зоровавель во цесарство Кирова, до сего пленения лѣтъ 630 и 9 месяць 15 дни.

Плене же бысть град 6: Яасохий, египетцкый цесарь,* и по нем Антиох,* и по том Поплий,* и по них Сисой.* Сии же вземше град Иерусалимъ и сохраниша без пленения. А еже со опустѣнием, то первое Навходоносор, а второе Тит опусти на 60.

Граду же сему первое житель бысть хананѣйский цесарь, отечским языком нареченый «Цесарь правде»,* и тѣмъ святы ся. Первие бо созда и нарече и град Иерусалимъ иудейский же цесарь Давидъ, *отгнавъ* останок Хананѣи от тое земли, и постави свой град Давидовъ. И по четырёхсот лѣтех и по 70 и по 7 лѣтъ вавилоняне разориша. От Давида же до се разорения

Титова лѣтъ 1000 и 100 и 70 лѣтъ и 9. От перваго же создания до послѣдняго пленения лѣтъ 2000 и 9 сот и 7 лѣтъ.*

Разумѣйте же, братия,* силу Божию, разгнѣвание Божие на град сей. А который град сицев бысть твердъ или селико людей имѣя, или тако храбры? Нѣсть бо на свете толь силна града и толь крѣпка, якоже Иерусалимъ. Бѣяше убо около града сего два на десять стѣнъ, и сици храбри бѣяше в нем, един на сто мужъ выхождает, и без брани вхожаше во град. Единою же, егда Тит обступил бѣяше град, се тогда семь храбрых вышедше и на семь улицъ просѣкоша въскорѣ полкъ даждь и до самого Тита, и мало рукама не яша его, и возвратиша ся неврежни.

Разумѣйте же силу, но аще бы и горами ворочали, а без Божия помощи то ничтоже возможно от человекъ, противу Божьей помощи и ничтоже успѣет. Видьте, яко ничтоже возможно от человекъ, но идеже есть цесарь вѣрен и люди учит закону Божию правому, то нѣсть того града кому пленити, аще и мало людей в нем есть, но вѣрою крѣпокъ есть.

То сицев бысть конецъ плененю Иерусалиму.*